

ОРЛАН-БЕЛОХВОСТ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧЕЛОВЕКОМ В ЕВРАЗИИ (ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

А.В. Зиновьев

Тверской государственный университет (Россия)

m000258@tversu.ru

The White-tailed Eagle: the history of interaction with people in Eurasia (according to archaeozoological materials). – Zinoviev A.V. – The interactions of people and the White-tailed Eagle have a long and diverse history. They started already in the Paleolithic, when the long bones of eagles' limbs served as a material for tools manufacture. Occasionally used for food, eagles also were a source of pedal claws, utilized as ritual items. Since the discovery of the bow wing feathers of the White-tailed Eagle were predominantly used in manufacturing arrows. Damps of larger settlements, which significantly increased in number in the Roman Times, attracted eagles to scavenge closer to people. In addition to the mentioned phenomena, the habit of raising and keeping the eagles in cages for ritual purposes existed.

Неотъемлемой частью истории развития человека является его взаимодействие с животными. Ведущую роль в реконструкции этого взаимодействия, особенно его ранних стадий, не отмеченных в письменных источниках и художественных образах, играют материалы археологических раскопок. Происходящие из них костные останки нередко несут следы использования человеком и позволяют судить о характере его взаимодействия с тем или иным видом животного. В полной мере это относится к птицам, хотя шансы сохранности костей представителей данного класса, а также методы сбора материала во время раскопок дают нам меньше информации по пернатым, нежели, например, по крупным и средним млекопитающим [15]. Тем не менее, к настоящему времени накоплен богатый материал по птицам из археологических памятников [21, 24, и др.]. Особый интерес представляет взаимодействие человека с хищными птицами, которые традиционно не являются для него пищевыми объектами. И если присутствие множества костей ястребов и соколов в средневековых поселениях можно объяснить использованием их в качестве ловчих птиц [10, 12, 14, 25–27], то наличие сравнительно большого количества костей орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) [17, 33] требуют особых комментариев.

Материал и методика

В нашей работе мы использовали большое количество литературных источников*, в которых содержится информация о костях орлана-белохвоста из археологических раскопок. Мы ни в коей мере не претендуем на исчерпывающую полноту списка использованных источников, многие из которых представляют собой региональные отчеты, труднодоступные и написанные на разных языках. Тем не менее, доступных источников оказывается достаточно, чтобы сформировать общую картину характера взаимодействия человека с орланом-белохвостом как исторически, так и территориально.

Помимо литературных данных, мы пользовались результатами собственных исследований остеологической коллекции птиц средневекового Новгорода [1].

Результаты и обсуждение

Орлан-белохвост является одним из самых крупных представителей ястребиных, с размахом крыльев, достигающим 2,45 м. Его гнездовой ареал простирается практически вдоль всей северной Евразии. Птицы устраивают гнезда либо на скалах, либо на деревьях по берегам крупных рек и озер. В границах современного ареала птицы охотятся на рыбу, птиц и млекопитающих, которых также могут отнимать у других животных. Орланы охотно питаются разнообразной падалью, в том числе отбросами, производимыми человеком. Это их пристрастие открывает список причин находок костей орлана-белохвоста в культурных слоях человеческих поселений.

1. Гибель на мусорных кучах человеческих поселений.

Склонность орлана-белохвоста к питанию падалью объясняет его тягу к отбросам, производимым человеческими поселениями. В этом случае некоторые птицы могли погибать, а их кости – попадать в культурный слой. Этим можно объяснить наличие немногочисленных разрозненных костей (рис. 1) в культурных слоях средних и крупных поселений, начиная, преимущественно, с Римского времени [24]. В то же время, вероятность попадания костей таких птиц в культурные слои поселений человека без участия последнего невелика [1]. Даже убитый или погибший на

Примечание: * - Ссылки на все из них мы не даем по причине ограниченности публикации по объему.

Рис. 1. Дистальный конец
левого тарзометатарзуса
орлана-белохвоста (Десятичный
раскоп Великого Новгорода, конец
XI – начало XII в.). По [1].

Fig. 1. A distal end of the left
tarsometatarsus of the White-tailed Eagle
(excavation of the Veliky Novgorod, the
late 11th – early 12th century) By [1].

Fioux) во Франции принесла две когтевые фаланги орлана-белохвоста со следами снятия рогового чехла каменным орудием [23]. Наряду с когтевыми фалангами других хищных птиц (беркут (*Aquila chrysaetos*)) из среднепалеолитических стоянок Франции и Италии (Combe-Grenal, Les Fieux, Pech de l’Aze. IV, Grotta di Fumane), эти кости (или снятые с них роговые чехлы) могли использоваться в символических целях. В тех же целях могла использоваться когтевая фаланга орлана, найденная в Суссексе [20].

4. Использование орлана-белохвоста в пищу. Использование элементов скелета для производства орудий и символических предметов не

куче с отбросами у края поселения (внутри поселений эти птицы обычно не проникают), орлан, как завидный трофей с великолепным оперением и прочными крупными трубчатыми костями, не мог не использоваться в хозяйстве (см. ниже).

2. Использование костей скелета для изготовления орудий. Трубчатые кости скелета орлана-белохвоста как крупной птицы привлекали человека каменного и раннего железного века как материал для изготовления орудий, преимущественно проколов [13, 31]. Стоит заметить, что человек, очевидно, специально не охотился за орланом, поскольку источником материала для указанных орудий могли служить и служили с равным успехом кости других крупных птиц.

3. Использование костей скелета в символических целях. Доказательства такого использования костей орлана-белохвоста относятся к наиболее ранним свидетельствам взаимодействия человека с данным видом. Среднепалеолитическая стоянка неандертальцев в Ле-Фьё (Les-

противоречит употреблению мяса орлана в пищу. Первые доказательства употребления его мяса, обладающего, кстати, неплохими вкусовыми качествами [11, 16], происходят из среднего палеолита Франции [23]. Существует и ряд других находок костей орлана с прирезами для снятия мяса [7, 26, 32].

5. Использование оперения орлана-белохвоста. На использование орлана-белохвоста «на перья» косвенно указывает преобладание костей скелета передних конечностей в культурных слоях поселений, начиная с Римского времени [21, 24, 28, 29]. Такое преобладание никак не связано с большей устойчивостью костей крыльев к действию времени [8, 9]. Характерные прирезы на костях указывают на снятие с крыльев маховых перьев, использовавшихся для оперения стрел [15, 24]. Такое их использование сообщается в польских книгах XVI в. Птицы зачастую не убивались, а содержались в клетках для получения необходимых перьев. Указанные перья использовались также для «крыла» или «крыльев» крылатых гусар [30]. Сходный обычай содержания орлов в клетках «на перья» отмечен Михалом Литвином в первой половине XVI в. у жителей юго-западной Руси [18]. В ряде случаев целые крылья орланов, подобно таковым гусей, использовались как метелки [26].

6. Использование орлана-белохвоста для охоты. Для охоты орлан использовался крайне редко. Существует свидетельство об охоте с орланом на зайца в средневековой Польше [30]. Ограниченная территориально и численно, такая охота делала находку костей «охотничьего» орлана крайне маловероятной.

7. Использование орланов в ритуальных целях. На подобное использование птиц указывают находки целых скелетов [4], зачастую в т. н. ритуальных ямах [19, 22]. В этом отношении примечательна статья Пантелеева и Косинцева [5], в которой приведено описание патологии на костях орлана-белохвоста из раскопок археологического памятника раннего железного века Усть-Полуй (г. Салехард). Изменения на костях двух особей указывают на содержание их в неволе. Причинами подобного содержания можно назвать сохранившиеся у народов севера Сибири традиции выращивания орланов-белохвостов в неволе для использования в обрядовой практике [2, 3, 6].

Заключение

Взаимодействие человека с орланом-белохвостом разнообразно и имеет длительную историю. Начавшееся еще в палеолите с изготовления из трубчатых костей орудий и амулетов из когтевых фаланг, а также случайного употребления в пищу, с изобретением лука и стрел оно переключилось на использование оперения передних конечностей птиц. Мусорные кучи умножившихся в Римское время крупных поселений привлекли орланов ближе к человеку. Параллельно этим процессам развивалась традиция содержания орлана в неволе для использования в ритуальных целях.

Литература

1. Зиновьев А.В., 2011. Птицы средневекового Новгорода Великого (X–XIV вв.): фаунистический состав и хозяйственное значение // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. – Т. 25. – С. 277–287.
2. Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука. – 279 с.
3. Косарев М.Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука. – 302 с.
4. Косинцев П.А., 2005. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. – Екатеринбург-Салехард: Аквариум. – 189 с.
5. Пантелеев А.В., Косинцев П.А., 2010. Орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) из археологического памятника Усть-Полуй // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Т. 2, № 13. – С. 214–218.
6. Соколова З.П., 1972. Культ животных в религиях. – М.: Наука. – 216 с.
7. Ashdown R., 1979. The avian bones from Station Road, Puckeridge // Hertfordshire Archaeology. – Vol. 7. – P. 92–97.
8. Vovv K.M., 2002. Differential avian skeletal part distribution: Explaining the abundance of wings // Journal of Archaeological Science. – Vol. 29, № 9. – P. 965–978.
9. Vovv K.M., 2012. Why so many wings? A re-examination of avian skeletal part representation in the south-central Northwest Coast, USA // Journal of Archaeological Science. – Vol. 39, № 7. – P. 2049–2059.
10. Cherryson A.K., 2002. The identification of archaeological evidence for hawking in medieval England // Acta Zoologica Cracoviensia. – Vol. 45, special issue. – P. 307–314.
11. Cott H.B., 1947. The edibility of birds // Proc. of the Zoological Society of London. – Vol. 116, № 3–4. – P. 371–524.
12. Epstein H.J., 1943. The origin and earliest history of falconry // Isis. – Vol. 34, № 6. – P. 497–508.
13. Gal E., 2003. New data on bird bone artefacts from Hungary and Romania / eds. Luik H., Choyke A.M., Batey C., Lougas L. // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth – Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present: Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group at Tallinn. – Tallinn. – P. 325–338.

14. Glasier P., 2006. Falconry and Hawking. – London: Batsford. – 352 p.
15. Hamilton-Dyer S., 2002. The bird resources of medieval Novgorod, Russia // *Acta Zoologica Cracoviensia*. – Vol. 45, special issue. – P. 99–107.
16. Horsburgh C.B., 1945. Edibility of wild birds // *Field*. – Vol. 186. – P. 149.
17. Kuzmin Y.V., 1997. Vertebrate Animal Remains from Prehistoric and Medieval Settlements in Primorye (Russian Far East) // *International Journal of Osteoarchaeology*. – Vol. 7, № 2. – P. 172–180.
18. Litanus M., 1615. *De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum*. – Basiliae: Apud Conradum Waldkirchium. – 80 p.
19. Luff R.-M., 1982. A zooarchaeological study of the Roman north-western provinces. Oxford: British Archaeological Reports Limited. BAR international series. – Vol. 137. – 338 p.
20. MacGregor A., 1985. Bone, antler, Ivory and Horn. The technology of skeletal material since the Roman period. – London: Taylor & Francis. – 245 p.
21. Makowiecki D., Gotfredsen A.B., 2002. Bird remains of Medieval and Post-Medieval coastal sites at the Southern Baltic Sea, Poland // *Acta Zoologica Cracoviensia*. – Vol. 45, special issue. – P. 65–84.
22. Matthews C.L., 1981. A Roman cess-pit with skeletons // *Bedfordshire Archaeological Journal*. – Vol. 15. – P. 63–73.
23. Morin E., Laroulandie V., 2012. Presumed symbolic use of diurnal raptors by Neanderthals // *PLoS ONE*. – Vol. 7, № 3. – P. e32856.
24. Mulkeen S., O'Connor T.P., 1997. Raptors in towns: towards an ecological model // *International Journal of Osteoarchaeology*. – Vol. 7, № 4. – P. 440–449.
25. Müller H.H., 1993. Falconry in central Europe in the Middle Ages // *Exploitation des animaux sauvages a travers le temps*. – Juan-les-Pins: Editions APDCA. – P. 431–437.
26. Parker A.J., 1988. The birds of Roman Britain // *Oxford Journal of Archaeology*. – Vol. 7. – P. 197–226.
27. Prummel W., 1997. Evidence of hawking (falconry) from bird and mammal bones // *International Journal of Osteoarchaeology*. – Vol. 7, № 4. – P. 333–338.
28. Reichstein H., 1974. *Ergebnisse und Probleme von Untersuchungen am Wildtieren aus Haitabu (Ausgrabung 1963–1964)*. – Neumünster: Karl Wachholz Verlag. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu Bericht*. – Vol. 7. – S. 103–144.
29. Reichstein H., Pieper H., 1986. *Untersuchungen an Skelettresten von Vögel aus Haitabu (Ausgrabung 1966–1969)*. – Neumünster: Karl Wachholz Verlag. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu Bericht*. – Vol. 22. – 214 S.
30. Samsonowicz A., 2011. *Łowiectwo w Polsce Piastów i Jagiellonów*. – Warszawa: Warszawska Firma Wydawnicza. – 537 s.
31. van Wijngaarden-Bakker L.H., 1997. The selection of bird bones for artefact production at Dutch neolithic sites // *International Journal of Osteoarchaeology*. – Vol. 7, № 4. – P. 339–345.
32. Zeiler J.T., Clason A.T., 1993. Fowling in the Dutch Neolithic at inland and coastal sites // *Archaeofauna*. – Vol. 2. – P. 67–74.
33. Zhilin M.G., Karhu A.A., 2002. Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia // *Acta Zoologica Cracoviensia*. – Vol. 45, special issue. – P. 109–116.